

Fantasy

ДЖЕЙМС БРЭНЧ КЕЙБЕЛ
Сказание
о Мануэле

Издательство «Аннотация»

Сказания о Мануэле

Джеймс Кейбелл

Серебряный жеребец

1926

Кейбелл Д. Б.

Серебряный жеребец / Д. Б. Кейбелл — 1926 — (Сказания о Мануэле)

В этом томе я не следую тексту Бюльга чересчур скрупулезно. Но надеюсь, что в книге, предназначенной для широкого круга читателей, никто не станет порицать некоторые пропуски и эвфемизмы, да впрочем, и небольшие добавления, сделанные для связности, ясности и красоты текста. Любопытных же для обсуждения источников «Серебряного жеребца» я отсылаю к страницам «Пуактесма в песнях и легендах». И пусть они сами решат, действительно ли Бюльг, по выражению Кодмана, показал, что эти легенды являются «подделками XVII столетия». Лично я нахожу, что эти свидетельства слегка неправомерны, а для моей цели они вообще несущественны. Эти хроники, как таковые, представляют собой единственно известные материалы о последних днях героев, чьи юношеские подвиги уже давно знакомы читателям по «Пуактесмским народным былинам» Льюистама. Аутентичны они или нет и безотносительно к тому, могли ли такие легенды существовать до 1652 года, в них содержится единственный отчет о переменах, последовавших в Пуактесме после кончины Спасителя Мануэля, и другой у нас вряд ли когда-либо появится. Этот отчет является пробелом, который, с моей точки зрения, желательно было заполнить, и я перевел «Серебряного жеребца» на английский. Дж. Б. К.

Содержание

Властители, правившие Пуактесмом во времена дона Мануэля	5
Книга Первая	7
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	15
Книга Вторая	17
Глава V	17
Глава VI	19
Глава VII	22
Глава VIII	23
Глава IX	25
Глава X	27
Глава XI	30
Книга Третья	31
Глава XII	31
Глава XIII	34
Глава XIV	37
Глава XV	38
Глава XVI	39
Глава XVII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Серебряный жеребец (Сказания о Мануэле – 3) (Комедия спасения)

Властители, правившие Пуактесмом во времена дона Мануэля

Десять членов Братства Серебряного Жеребца:

- 1) **Дон Мануэль, граф Пуактесмский**, владел Сторизендом и Бельгардом, городом Бовилажем и крепостью Лизуарт, а также всем Амнераном и Морвенном;
- 2) **Мессир Гонфаль Нэмский**, маркграф Арадольский, владел Верхним Нэмузенном;
- 3) **Мессир Донандр Эврский**, тан Эгремонский, владел Нижним Нэмузенном;
- 4) **Мессир Керин Нуантельский**, синдик и кастелян Басардры, владел Западным Валь-Ардрейем;
- 5) **Мессир Нинзиян Яирский**, бейлиф Верхней Ардры, владел Валь-Ардрейем на Востоке;
- 6) **Мессир Хольден Неракский**, шериф Сен-Тара, владел Бельпейзажем;
- 7) **Мессир Анавальт Фоморский**, мэр и губернатор Манвиля, владел Бельпейзажем Ле Ба;
- 8) **Мессир Котт Горный**, ольдермен Сен-Дидольский, владел О Бельпейзажем;
- 9) **Мессир Гуврич Пердигонский**, гетман Ашский, владел Пьемонтэ;
- 10) **Мессир Мирамон Ранекский**, сенешаль Гонтарона, владел Дуарденуа.

Существовали также фьефы дона Мёньера, графа Монторского, свояка дона Мануэля. Мёньер не принадлежал к этому Братству, он владел Жьеном, а Нижним Дуарденуа правила его супруга.

Отмар Чернозубый, которого некоторые называли Отмаром Беззаконным, долгое время владел Вальнером и Огдом, пока его не разбил Мануэль; впоследствии эти деревни с большей частью Бовьона оставались бесхозными.

Гельмас Глубокомысленный, после наложения на него чар в 1255 году, владел по-своему возвышенностью Брунбелуа. Но остальной Акаир, когда была захвачена Лорча и сожжен Склауг, оставался ничейной землей. На Верхнем Морвене также жили весьма нелояльные личности, бросавшие вызов любому закону и благочестию.

«Пуактесм в песнях и легендах»,

Г. И. Бюльг. Страсбург, 1785, (с. 87-88).

* * *

Сим начинается история зарождения и триумфа великой легенды о Спасителе Мануэле, коего Гонфаль считал развешанным прахом, а Мирамон – самозванцем и коего Котт отказывался признавать из-за своей любви к истине. Но коего принимал Гуврич посредством двух разновидностей благоразумия; коего Керин принимал в качестве заслуживающего уважения недостатка, а Нинзиян – в качестве трогательной и полезной шутки; коего Донандр принимал

всем сердцем (к вечной радости Донандра) и койи к тому же был принят Ниафер и ростовщиком Юргеном с небольшими оговорками личного характера. И ниже описывается, как эти люди оказались поглощены сей великой легендой.

Книга Первая Последняя осада Братства

«Вот, я сделаю Иерусалим чашею исступления для всех окрестных народов, и также для Иуды во время осады Иерусалима.»
Захария, 12, 2

– Et la route, fait eile aussi un grand tour?
– Oh, bien certainement, e'tant donne qu'elle circonvient a la fois la destinee et le bon sens.
– Puisqu'il faut, alors! dit Jurgen; d'ailleurs je suis toujours dispose gouter n'importe quel breuvage au moins une fois.
«La Haulte Histoire de Jurgen»

Глава I Уста младенца

Рассказывают о том, как дон Мануэль, который являлся возвышенном графом Пуактесским и повсеместно расценивался как самый удачливый и наименее щепетильный мошенник своего времени, исчез из своего замка в Сторизенде без всякого повода и предупреждения в праздничный день Святого Михаила и Всех Ангелов. Рассказывают также о смятении и испуге, поднявшихся в краях дона Мануэля, когда стало известно, что Спаситель Мануэль, названный так потому, что спас Пуактесм от ига норманнов с помощью Мирамона Ллуагора и его великой, кровавой магии, исчез совершенно необъяснимо из этих краев.

Куда ушел Мануэль, ни один человек не мог сказать с полной определенностью. В Сторизенде последней его видела младшая дочка Мелицента, заявившая, что папа, сев на черного коня, отправился на запад вместе с Дедушкой Смертью, скакавшим на белом коне, в какой-то далекий край по ту сторону заката. В целом это казалось совершенно невероятным.

Однако дальнейшие расследования лишь еще больше углубили тайну исчезновения дона Мануэля. Дальнейшие расследования раскрыли, что единственным человеком, видевшим (или притворявшимся, что видел) дона Мануэля после того, как Мануэль покинул Сторизенд, был маленький мальчик по имени Юрген, сын Котта Горного. Юный Юрген, получив от отца во всех отношениях необычайную порку, убежал из дома, и его не могли поймать до следующего утра. Этот паренек сообщил, что в сумерках на Верхнем Морвене он стал свидетелем страшного причастия, в котором весьма ужасным образом участвовал Спаситель Пуактесма. Потом, гласил рассказ мальчика, последовало некое преобразование, и предсказание относительно будущего Пуактесма, и вознесение дона Мануэля в облагренные лучами заката облака...

Эти последние подробности при первом рассказе Юрген пробормотал почти нечленораздельно. Ибо сразу после вводных пассажей предполагаемого романа родители Юргена, находясь в восторженном состоянии по случаю обнаружения потерянного сокровища, конечно же, в типичной манере родителей обратились к таким нравственным высотам и прибегли к таким телесным наказаниям, кои бедственно повлияли на рассказы предполагаемого лжеца. Затем, по прошествии нескольких дней, когда в Пуактесме все еще тщетно ждали возвращения великого дона Мануэля, ребенка посчитали необходимым допросить вновь. И маленький Юрген, подувшись немного, пересказал историю без заметных изменений.

Определенно, все звучало весьма невероятно. Тем не менее это было единственным объяснением утраты, предложенным кем бы то ни было. И люди начали наполовину всерьез отно-

ситься к нему с должным вниманием. Говорите что хотите, но сей незрелый, отшлепанный евангелист рассказал историю, изобилующую подробностями, которые ни один мальчик его возраста, по-видимому, не смог бы придумать сам. Поэтому множество людей начало мудро ссылаться на уста младенцев и многозначительно кивать. Более того, ребенок, допрошенный еще раз, распространился о последнем предсказании Мануэля относительно будущей славы Пуактесма, что делало неверие довольно-таки непатриотичным. И Юрген сделал еще более ужасной свою историю о том, как Мануэль спас свой народ от причитающихся наказаний за разнообразные грехи, совершенные до того вечера исключительно.

Следующий из этого вывод, что повсюду вплоть до сего дня можно не нести ответственности за свои проступки, среди которых дон Мануэль взял на себя труд придать особый характер таким неблагоприятным деяниям, как гуляние по ночам без разрешения родителей, являлся договоренностью, которую все, при ближайшем рассмотрении нашли весьма желательной. Добросердечные люди повсюду начали (в сущности свободно выбирая между верой и недоверием) предпочитать вложение наверняка выгодного доверия в историю, рассказанную с таким убеждением этим милым, незапятнанным грехом ребенком, нежели в доводы придурков-материалистов, которые, в конце концов, могли лишь говорить (находясь вдали от Котта Горного), что этот юный Юрген впоследствии, похоже, отличится или на кафедре, или на виселице.

Между тем один прискорбный факт в любом случае оставался неопровержимым: сказание об этом тихом, преуспевшем в свое время архиворе Мануэле закончилось непоследовательными, а то и невероятными историями этих двух детей. И могучий, косой и седой Мануэль с высоко поднятой головой ушел из Пуактесма неизвестно куда.

Глава II

Расчетливость Горвендила

А между тем жена Спасителя, госпожа Ниафер, призвала к себе девятерых властителей, которые вместе с доном Мануэлем образовывали Братство Серебряного Жеребца. И все они встретились в Сторизенде, как приказала им Ниафер, на заседании, или, как более формально это называли, при осаде, предпринятой этим орденом.

Братство вело свое название от знамени, под которым так опустошительно сражалось. На этом черном знамени был изображен серебряный жеребец, вставший на дыбы и взнузданный золотой уздой. Дон Мануэль являлся предводителем этого братства, состоявшего, кроме него, из девяти баронов, которые под началом Мануэля правили Пуактесмом. У каждого из них было по два великолепно укрепленных замка, а также прекрасные лесные угодья и луга, которыми они владели, приняв присягу на верность дону Мануэлю. И каждый из них славился своей доблестью.

Четверо из этих добродушных убийц служили под командованием графа де Тохиль-Вака еще в первой, крайне разрушительной кампании Мануэля против норманнов. Но все девять баронов были с Мануэлем со времени великой битвы при Лакре-Кае и на протяжении разнообразных неприятностей, возникавших у Мануэля с Орибером, Фрагнаром, графом Ладиасом, Склаугом и Ориандром – этим слепым и безучастно злым Пловцом, являвшимся отцом Мануэля. И во всех остальных сражениях Мануэля эти девять баронов были с ним до самого конца.

А деяния властителей Серебряного Жеребца не далеко ушли от собственноручных деяний Мануэля. Разумеется, Ориандра убил именно Мануэль – это являлось делом семейным. Но Мирамон Ллуагор, сенешаль Гонтарона, был героем, подчинившим себе Фрагнара и наделившим его отличительными чертами, создававшими помехи его действиям. И именно Керин Нуантельский – синдик, а впоследствии кастелян Басардры – взял в плен и старательно сжег Склауга. Затем во время подавления бунта Отмара Чернозубого Нинзиян Яирский, бейлиф Верхней Ардры, убил на одиннадцать мятежников больше, нежели поразил меч Мануэля. Именно Гуврич Пердигонский, а не Мануэль, лишил жизни великого араба Аль-Мотаваккиля. А в знаменитой битве с монголами, в результате которой была освобождена Мегарида, именно Мануэль завоевал львиную долю славы и, как говорят, на три ночи – обладание телом младшей сестры короля Теодорета. Но сведущие люди заявляют, что лучше всех в тот день дрался Донандр Эврский, тогда всего лишь мальчишка, которого Мануэль впоследствии сделал таном Эгремонским.

Однако Хольден Неракский, шериф Сен-Тара, был храбрее всех и был способен взять верх в единоборстве с любым из перечисленных выше. Котт Горный никогда не покидал поле брани побежденным, а учтивый Анавальт Фоморский и беспечный Гонафаль Нэмский, обладавшие самой дурной славой в этой компании, будучи друзьями и коварными совратителями женщин, также повергали своих соперников наземь в изрядных количествах.

Одним словом, неважно, где властители Серебряного Жеребца поднимали свое знамя против врагов: именно там они и обрекали этих врагов на погибель. Ибо никогда, во все времена, не существовало более суровой шайки забияк, чем Братство Серебряного Жеребца в те дни, когда они сотрясали землю лязганьем мечей и затмевали небеса дымом разграбленных городов и когда по всему миру люди рассказывали о чудесах, творимых этими героями, под предводительством дон Мануэля. Теперь же они остались без вождя.

И вот герои съехались в Сторизенд. А вместе с госпожой Ниафер они, конечно же, встретили Святого Гольмендиса. Этот блаженный совсем недавно прибыл из Филистии, чтобы утешить графиню в ее горе. Но они также обнаружили при ней того молодого рыжеволосого Горвендила, в качестве вассала которого дон Мануэль, в свою очередь, владел Пуактесмом, но

условия этого договора так никогда и не были обнародованы. Некоторые говорили, что этот самый Горвендил – друг и посланник Сатаны, тогда как другие заявляли, что его происхождение таится в более языческой мифологии. Все знали, что юноша владеет поразительно странной магией, неизвестной Мирамону Ллуагору и Мудрецу Гувричу.

И этот самый Горвендил сказал девяти героям:

– Сейчас Братство Серебряного Жеребца начинает свою последнюю осаду.

Донандр Эврский был из них самым молодым. Однако он заговорил вполне благочестиво и отважно:

– Но мы привыкли, мессир Горвендил, начинать каждую осаду с молитвы.

– Эта осада, – ответил Горвендил, – тем не менее должна начаться без подобных религиозных мероприятий. Ибо это осада, при которой, как и предрекалось, вы станете чашею исступления для всех окрестных народов и также для Иуды во время осады Иерусалима и Фив, Гермополя, Аваллона, Брейдаблика и всех остальных мест, производящих Спасителей.

– Клянусь честью, но я не понимаю, кто здесь господин! – воскликнул Котт Горный, крутя длинный нос. Этот жест являлся верным знаком предстоящих неприятностей.

Горвендил ответил:

– Господин, правивший Пуактесмом в соответствии с моими прихотями, скончался. На его месте сидит женщина, а его наследник – маленький ребенок. Так что начинается новый роман, затевается новый орден.

– Однако Котт в своих неустанных поисках разнообразия задал вполне разумный вопрос, – сказал Гонфаль, могучий маркграф Арадольский. – Кто будет нами командовать, кто теперь даст нам указания? Или на войну нас поведет госпожа Ниафер?

– Это разные вещи. Командует госпожа Ниафер, но именно я, раз уж вы спросили, выдам вам все указания и к тому же приговоры и время их свершения, а после этого я дам жизнь вашим именам. В общем вам, Гонфаль, я указываю на юг.

Гонфаль посмотрел на Горвендила с искренним удивлением.

– Я уже собирался отправиться на юг, хотя определенно, никому об этом не говорил. Вы, мессир Горвендил, выказываете поражающую меня мудрость.

Горвендил ответил:

– Это лишь дар предвиденья, который я разделяю с Валаамовой ослицей.

Но Гонфаль оставался более серьезным, чем обычно. Он спросил:

– И что я найду на юге?

– То, что все люди находят под конец жизни в том или ином месте, будь то с помощью ножа, веревки или преклонного возраста. Однако уверяю вас, эта находка не станет для вас нежелательной.

– В общем, – пожал плечами Гонфаль, – я реалист. Я принимаю приходящее в том облике, в котором оно приходит.

Тут вновь взорвался Котт Горный.

– Я тоже реалист. Однако я не позволю ни одному выскочке, будь он рыжий или нет, указывать мне какие-либо направления.

Горвендил ответил:

– Я скажу вам...

Но Котт, потрянув лысой головой, ответил:

– Нет, меня так просто не запугаешь. Я мягкий человек, но не подчинюсь смиренно подобному шантажу. К тому же, по-моему, Гонфаль намекал на то, что я обычно задаю неразумные вопросы!

– Никто не пытался...

– Не отрицайте этого мне прямо в лицо! Эдак вы просто называете меня лжецом! Повторяю, я не подчинюсь этой непрекращающейся грубости.

– Я только говорил...

Но Котт был неумолим.

– Я не приму никаких указаний от того, кто набрасывается на меня и не сохраняет должного достоинства в час нашей скорби. В остальном дети в своих сообщениях сошлись на том, что дон Мануэль (вознесся ли он на золотое облако или ускакал, что более благоразумно, на черном коне) двигался на запад. Я отправлюсь на запад и верну дону Мануэлю в Пуактесм. Я, к тому же, откровенно советую вам, когда он возвратится править нами, отбить охоту от дурачества и причудливых увлечений у всех людей, чьи мозги перегреты их волосами.

– Тогда пусть запад, – очень тихо сказал Горвендил, – станет вашим направлением. И если люди там не найдут вас таким большим человеком, каким вы себя мните, не вините в этом меня.

Это была речь Горвендила слово в слово. Много позднее сам Котт гадал, не совпадение ли это...

– Я, мессир Горвендил, с вашего позволения отправлюсь на север, – сказал Мирамон Ллуагор. Кудесник единственный из всех находился с Горвендилом в близких отношениях. – У меня еще остается на сером Врейдексе Подозрительный Замок, в котором меня ждет известная судьба.

– Верно, – ответил Горвендил. – Пусть жестокий Север и холодное лезвие Фламбержа принадлежат вам. Но вы, Гуврич, в качестве своего направления примите теплый, мудрый Восток.

Такая участь не была воспринята с радостью.

– Мне достаточно уютно у себя дома в Аше, – сказал Мудрец Гуврич. – Вероятно, как-нибудь... Но, на самом деле, мессир Горвендил, у меня в настоящее время в работе большое количество важных чудес! Ваше предложение расстраивает все мои планы. У меня нет никакой необходимости в путешествии на Восток.

– Со временем вы узнаете эту необходимость, – сказал Горвендил, – и охотно ей подчинитесь, и охотно встретитесь лицом к лицу с самым жалким и ужасным из всего существующего.

Мудрец Гуврич ничего не ответил. Он был слишком мудр, чтобы спорить с людьми, рассуждающими настолько глупо. И он был слишком мудр, чтобы спорить с Горвендилом.

– Однако при этом, – заметил Хольден Неракский, – направления исчерпаны. И для остальных из нас направлений не осталось.

Горвендил взглянул на Хольдена, по праву звавшегося Смелым, и улыбнулся.

– Вы, Хольден, уже приняли тайные указания в живописной манере от одной царицы...

– Давайте не будем об этом говорить, – сказал Хольден с фальшивой улыбкой весьма встревоженно.

– ...И, в любом случае, вас будет сопровождать она, а не я. Вас, Анавальт Фоморский, тоже вскоре настойчиво позовет еще одна царица, и вы, по праву называемый Учтивым, не откажете ей ни в чем. Так что Хольдену и Анавальту я не дам указаний, поскольку невежливо препятствовать женщине и ее просьбе.

– Но у меня, – сказал Керин Нуантельский, – у меня в Огде молодая жена, которую я ценю выше всех женщин, на которых я когда-либо женился, и намного выше каких-то там венценосных цариц. Даже мудрого Соломона, – сообщил им, прищурившись, Керин со своеобразным тихим восторгом ученого мужа, – когда этот иудей подбирал женщин в сем мире, не сопровождала царица, подобная моей Сараиде. Ибо она во всех отношениях превосходит то, что каббалисты пишут о царице Нааме, этой благочестивой дочери кровожадного царя Аммона, и о царице Джараде, дочери идолопоклонника египтянина Нубары, и о царице Билкис, рожденной Сабейским князем и женщиной-джинном в облике газели. И лишь по приказу своей дорогой Сараиды покину я свой дом.

– Вы тем не менее очень скоро покинете дом, – заявил Горвендил. – И это произойдет по приказу и по личному побуждению вашей Сараиды.

Керин склонил голову набок и вновь прищурился. Он владел трюком дона Мануэля, при размышлениях вот так открывая и закрывая глаза, но кроткий взгляд темных глаз Керина очень мало напоминал мануэлево проницательное, ясное и весьма осторожное рассмотрение дел.

Затем Керин заметил:

– Однако, как сказал Хольден, все направления уже заняты.

– О, нет, – сказал Горвендил. – Ибо вы, Керин, отправитесь вниз, туда, куда за вами никто не посмеет последовать и где вы наберетесь мудрости, чтобы не спорить со мной и не докучать людям непрощенной эрудицией.

– Из вашей логики следует, что я, – засмеялся Донандр Эврский, – должен отправиться вверх, к самому Раю, так как больше направлений не остается.

– Похоже, – ответил Горвендил, – это верно. Но вы окажетесь намного выше, чем думаете, а ваша судьба будет самой странной из всех.

– Тогда должен ли я удовлетвориться некой второсортной, заурядной гибелью? – спросил Нинзиян Яирский, единственный член братства, еще не вступавший в разговор.

Горвендил посмотрел на благочестивого Нинзияна и смотрел он долго-предолго.

– Донандр – довольно набожный человек. Но без Нинзияна Церкви будет не хватать прочнейшего и по-настоящему богобоязненного столпа, который есть у нее в этих краях. Это было бы чертовски неудачно. Посему указание вам – оставаться в Пуактесме и на благо мира утверждать поучительный и прекрасный девиз Пуактесма.

– Но девиз Пуактесма, – с сомнением сказал Нинзиян, – «Mundus vult decipi», и он означает, что мир хочет быть обманут.

– Это высоконравственная мысль, которую, уверен, вы признаете и доказываете. Поэтому для вас, такого благочестивого, я слегка перефразирую Писание; и я заявляю вам всем, что больше не сдвину ноги Нинзияна с земли, которую определил вашим детям; так что они будут внимать всему, что я им прикажу.

– Это, – сказал Нинзиян, которому было заметно не по себе, – весьма очаровательно.

Глава III

Как оплакивал Спасителя Анавальт

Затем поднялась госпожа Ниафер, в черном платье и с ввалившимися глазами, и она произнесла заупокойную речь по дону Мануэлю, которому по доброте, чистоте души и мягкости характера не осталось, по ее словам, равных в сем мире. Это был панегирик, от которого все присутствующие воины стали весьма серьезными и очень взволнованными, поскольку осознавали и разделяли ее горе, но не вполне узнавали описываемого ею Мануэля.

И Братство Серебряного Жеребца заявило о своем роспуске, поскольку закон Пуактесма гласил, что всегда и все там считалось десятками. Но не существовало ни одного воина, который был бы способен занять место Мануэля. А братство с девятью членами, как указала госпожа Ниафер, являлось незаконным.

– Однако может быть, – предложила она, косясь на Горвендила, – что какой-нибудь другой, особо святой человек, хотя и не воин...

В тот же миг Котт сказал с пугающей решительностью:

– Вздор!

Его собратья ощутили явную неучтивость этого вмешательства, но к тому же ощутили и то, что согласны с Коттом. И вот так братство было объявлено распущенным.

Затем заупокойную речь по поводу кончины этого благородного ордена, чьи ряды поредела, произнес Анавальт Фоморский, и Анавальт также оплакивал Дона Мануэля, восхваляя его дерзость и храбрость, внушавшие в битвах страх его врагам. Герои кивнули в знак согласия с такими вразумительными речами.

– Мануэль, – сказал Анавальт, – был дерзок. Ни одному сопернику не стоило его задирать. Когда совершался такой безрассудный поступок, Мануэль превращался в змея, обвивающего вражеский город: он захватывал предместья, скот и лодки на реках. Он осаждал город со всех сторон, он поджигал сады, он останавливал мельницы, он не давал пахарям пахать землю. И люди в этом городе голодали, и они ели друг дружку, пока выжившие не решались сдать дону Мануэлю. Тогда Мануэль воздвигал виселицы, высвистывал палачей и выживших среди этого народа больше не оставалось.

И Анавальт также сказал:

– Мануэль был хитер. С помощью какого-то пера он обманул трех королей, но королей, которых он разыграл, было намного больше трех, да и надувал он их далеко не перьями. Никто не мог провести Мануэля. Желаемое он брал, если мог, своей сильной рукой, а если нет, то использовал свою мудрую голову и ленивый, льстивый язык, да и остальные члены тоже, так что человек, которого он вводил в заблуждение, давал Мануэлю все требуемое. Считалось, что быть обманутым Мануэлем – все равно что выпить меду. Думаю, рядовому человеку не делает чести быть великим мошенником, но вождь должен знать, как обманывать людей.

Затем Анавальт сказал:

– Мануэль был страшен. В нем не было ни мягкости, ни колебаний, ни жалости. В рядовом человеке это тоже не является добродетелью, но в вожде это вполне может быть благословенно. Мануэль так вел дела, что ни один противник не беспокоил Пуактесма вторично. Он правил нами как тиран, но лучше иметь одного господина, которого знаешь, чем вечно менять господ в мире, где лишь сумасшедшие резвятся по собственной воле. Я не плачу по Мануэлю, поскольку он никогда бы не плакал по мне или кому-либо еще. Но я сожалею об этом железном человеке и о защитнике, которого потеряли мы, сделанные не из железа, а из простой плоти.

Воцарилось молчание. Однако по-прежнему герои с серьезным видом кивали: в словах Анавальта это был Мануэль, которого они все узнали.

Впрочем, госпожа Ниафер чуть приподнялась со своего кресла, когда благочестивый изможденный Святой Гольмендис, сидевший рядом с ней, протянул к ней руку. После этого она ничего не сказала, однако было совершенно ясно, что, по мнению графини, Анавальт восхвалял Мануэля не за те добродетели.

С требуемыми церемониями был зажжен огонь. Знамя великого братства сожгли, и властители Серебряного Жеребца сломали свои мечи и бросили обломки в огонь, чтобы эти мечи никогда не могли защищать цвета какого-либо иного флага. Когда погас огонь, погибла юность этих девятерых мужчин и первый пыл, и первая вера их юности; и они это знали.

Затем герои покинули Сторизенд. Каждый поехал к себе домой, и они приготовились, каждый по-своему, к новому порядку правления, который с уходом Мануэля устанавливался в Пуактесме.

Глава IV

Поднимающийся туман

Гуврич, Донандр и Гонфаль ехали на Запад вместе со своими слугами одной компанией до дома Гуврича в Аше. И пока эти три властителя ехали среди печальной ноябрьской природы и сгущающегося тумана, они вели беседу.

– Жаль, – сказал Гонфаль Нэмский, – что пока подрастает наш маленький граф Эммерик, этот край должен управляться хромой и болезненной особой, у которой никогда не было мозгов и которая уже начинает командовать. С другой стороны, в краю, которым правит вдова, привыкшая к определенным развлечениям, можно найти и забаву, и выгоду.

– Полно, – сказал верноподданный Донандр Эврский, – госпожа Ниафер – целомудренная и праведная женщина, преисполненная благих намерений.

– У нее есть еще одно качество, которое в правителе любой страны даже более ужасно, – ответил Мудрец Гуврич.

– И какой же повод для цинизма вы нашли теперь?

– Боюсь, скорее чрезмерное благочестие, нежели ее посредственная внешность и дурацкие благие намерения. Эта женщина повсеместно превратит все в сплошные серые развалины.

– На самом деле, – с улыбкой сказал Гонфаль, – этот поднимающийся туман мне очень напоминает церковные курения.

Гуврич кивнул.

– Да. Я считаю, что, будь это возможно, госпожа Ниафер сохранила бы и осквернила братство, поставив на место дона Мануэля этого святого Гольмендиса, который ныне является ее поводырем во всех духовных вопросах и который вскоре – обратите внимание на мое пророчество! – поставит во главу угла ее государственной политики ханжество.

– Хорошо известно, что именно он сочинил для нее, – сказал Гонфаль, – те стенания по дону Мануэлю.

– Каталог проповеднических добродетелей, – сухо сказал Гуврич, – который мне не сразу напомнил хвастливого прелюбодея и отцеубийцу, которого мы все знали. Таким образом, этот самый Гольмендис уже ввел в моду лицемерие.

– Он станет главным советником Ниафер, – вслух размышлял Гонфаль. – Он напористый и энергичный малый. Интересно...

Гуврич вновь кивнул.

– Женщины предпочитают получать советы в спальне, – заявил он.

– Полно, Гуврич, – вставил благочестивый Донандр Эврский. – Полно, каким бы чересчур милосердным ни было его мнение о нашем покойном господине, этот Гольмендис – святой. И мы, истинно верующие, не должны говорить о святых дурно.

– Я ничего не имею против веры, да и против лицемерия тоже – в разумных пределах. И я ничего не имею против святых, когда они на своем месте. Только если святой, и особенно зачатый, вскормленный и возведенный в этот ранг в Филистии, начнет когда-либо править в Пуактесме и в спальне дона Мануэля, – задумчиво сказал Гуврич, – этот святой не будет находиться на своем месте. А наш век, мои друзья, подойдет к концу.

– Он уже подошел к концу, – сказал Гонфаль, – насколько это касается Пуактесма: этот туман слишком сильно пахнет ладаном. Но туман, поднимающийся над Пуактесмом, не покрывает всю землю. Лично я отправлюсь на Юг, как указал мне Горвендил и как я уже сам задумал. На Юге я не найду никого настолько забавного, как этот прекрасный, великий, косой, тихий негодяй Мануэль. Однако на Юге объявлен конкурс на соискание руки Морвифи – смуглой царицы Инис-Дахута. И теперь, когда моя жена умерла, я, возможно, найду забавным спать с этой юной царицей.

Остальные рассмеялись и перестали думать о легкомысленном бахвальстве этого самого Гонфаля, который был всемирно знаменитым повесой.

Но в течение месяца стало известно, что Гонфаль Нэмский, маркграф Арадольский, действительно оставил свои владения и отправился на Юг. И он стал первым из членов этого великого братства (после дон Мануэля), ушедшим из Пуактесма и больше никогда туда не вернувшимся.

Книга Вторая Математика Гонфалья

«... И безрассудно расточает слова».
Иов, 35, 16

Глава V Несчастный случай с героем

Теперь история о том, как Гонфаль странствовал на Юге, где жили Фундаменталисты. Рассказывается, как был объявлен конкурс и как, в стиле тех дней, рука Морвифи – смуглой царицы Инис-Дахута и остальных четырех Чудесных Островов была обещана герою, который принесет сокровище, наиболее ценное для нее в качестве свадебного подарка. Говорят, что к жертвеннику Пиге-Ипсизига принесли восемь мечей, чтобы их надлежащим образом после краткого и откровенного ритуала освятил имам Булоту. Восемь соответствующе пылких влюбленных высоко подняли мечи и присягнули на верность царице Морвифи и поискам, наградой за которые станет ее красота.

Таким образом, все шло как и следовало до тех пор, пока влюбленные не стали вкладывать мечи в ножны. Тут один герой из этой компании совершенно необъяснимо толкнул локтем своего соседа и по несчастью уронил меч, пронзивший его левую ногу.

Затем на узких улочках и на бронзовых и изразцовых крышах затрубили трубы, и семеро просителей руки царицы Морвифи надели доспехи и отправились в течение года и одного дня лишать мир его главных богатств.

Не поехал же с остальными Гонфаль Нэмский. В самом деле, прошло три месяца, прежде чем его рана была залечена и он смог вставлять ногу в стремя. Но к этому времени, как он с сожалением рассудил, богатства мира должны были быть уже собраны с такой тщательностью, что какому-то калеке едва ли стоило куда-либо ковылять и выставлять себя на посмешище бесчувственным чужеземцам. Его боль (признавался он) при таком суровом повороте фортуны была почти невыносима. Однако ничего не достигнешь, закрывая глаза на очевидные факты, а Гонфаль являлся (в чем он тоже признался) реалистом.

Таким образом, Гонфаль оставался при дворе на протяжении всего года и безмятежно жил на варварских Чудесных Островах. Гонфаль устроился далеко не роскошно, но уютно, тогда как все его соперники искали приключений на лугах, изобилующих магией, и поднимались на горы, превосходившие всякое правдоподобие, в краях, весьма благоприятных для невообразимого. Но, похоже, достаточным утешением для Гонфалья являлось то, что он сидел, все чаще и чаще, рядом с царицей.

Однако маркграф Арадольский единственный из поклонников Морвифи был уже немолод. Зрелость, по-видимому, овладевала своего рода умением в обращении с разочарованием и урегулировала проблему сравнительно легко. И поэтому (рассуждала царица Морвифь) маркграф Арадольский, вероятно, мог нести крест негероического спокойствия, даже при его естественном отчаянии, что он теперь потерял всякую надежду добиться ее руки, с большей стойкостью, нежели любой из остальных.

Кроме того, остальным еще нужно было добиться знаменитости, их подвиги пока оставались блистательными, но неопределенными магнитами, притягивающими их к будущему. Но этот самый Гонфаль, появившийся на Инис-Дахуте после такой примечательной службы под командованием Мануэля Пуактесмского и под непобедимым знаменем Серебряного Жеребца,

в свое время, как знала молодая Царица, участвовал в восьми военных кампаниях при достаточном количестве легкой партизанщины. Он убил приличное число драконов, захватчиков и великанов-людоедов и к тому же несколько лет назад женился на златовласой, звездноглазой и лебединошей принцессе, являвшейся обычной наградой каждого героя за его отчаянную храбрость.

Теперь, в полдень Гонфалева дня, при покойной принцессе и всех потерянных королевствах, которые он с ней делил при его сюзерене графе Мануэле, тоже ушедшем из этого мира, и знамени Серебряного Жеребца, цвета которого больше никто не защищал, теперь этот высокий Гонфаль расхаживал на Инис-Дахуте слегка в стороне от своих коллег. Однако бородатый мужчина к тому же расхаживал с улыбкой, как человек, забавляющийся игрой, которая, по его мнению, не очень важна. Ибо он, по его словам, реалист, даже на варварских Чудесных Островах.

А Морвифь, смуглую царицу пяти Чудесных Островов, раздражали добродушные подшучивания ее меланхоличного поклонника. Она этого не любила; она выбросила из головы вопрос, похоже, совершенно невероятный, огорчен ли этот мужчина своей безнадежной страстью или чем-то еще в отношении нее. Но этот вопрос возвращался к ней, и Морвифь привычным легким и прелестным жестом поправляла волосы и вновь шла переговорить с Гонфалем, чтобы разрешить частным образом и для собственного удовлетворения эту проблему. Кроме того, у этого мужчины были довольно приятные глаза.

Глава VI

Власть взаймы

По прошествии года, когда ласковый, но настойчивый апрельский ветер вновь подул с Юга, герои вернулись – каждый со своим сокровищем. Каждый принес Морвифи свадебный подарок такой же удивительный, какими являлись и приключения, посредством которых он был приобретен. И все эти приключения были до невероятности сверхъестественными.

На самом деле, как заметила Царица в частной беседе, рассказы претендентов едва ли были правдивы.

– Однако, по-моему, этот жизнеутверждающий эпос основывается на фактах, – ответил Гонфаль. – Каждый из этих людей хитрый и непригожий младший, третий королевский сынок. Существует закон, согласно которому подобные непредубежденные карлики должны преуспеть и попать разнообразнейшее зло на Чудесных Островах и во всех остальных потусторонних краях.

– Но разве честно, мой друг, и разве уважительно по отношению к величественным, освященным веками силам зла, что эти молокососы?..

Гонфаль же ответил:

– Никто не спорит, уверяю вас, что подобные легкие состязания вполне благородны. Тем не менее они являются прерогативой третьего сына короля. Так что, будучи реалистом, сударыня, я волей-неволей признаю, что фортуна в здешних краях смотрит на этих третьих сыновей с натужно одобрительной ухмылкой. Даже лисы и муравьи, печи и метловища откладывают в сторону свою обычную неразговорчивость, чтобы облагодетельствовать этих августейших отпрысков бесценным советом. Смеею сказать, что все великаны и трехглавые змеи должны противостоять им, наполовину ощущая вину за совершение самоубийства. А на каждом повороте дороги их ждет очаровательная златокудрая принцесса.

Не все из этих трюизмов показались взгляду темных глаз Морвифи удовлетворительными.

– Блондинки быстро стареют, – сказала Морвифь, – и я царица.

– Верно, – признался Гонфаль. – Я не уверен, что любой третий принц преуспеет в общении с царицей. Мне не приходит по этому поводу на ум ни один авторитет.

– Мой друг, нет сомнения, что эти бесстрашные герои преуспеют повсюду. А у меня совсем другая забота – решить, кто из них принес самое ценное сокровище, достойное стать свадебным подарком.

Гонфаль надул необычайно алые и нежные на вид губы. Он какое-то время внимательно смотрел на царицу, и при этом у него было странное выражение лица, как у человека, разглядывающего нечто забавное, но совершенно несущественное.

– Сударыня, – сказал затем Гонфаль, – я бы смог выбрать самое ценное сокровище. Чтобы быть самой ценной, вещь должна в первую очередь быть самоценна.

Тонкие брови Морвифи поднялись при этих словах.

– Но на этом столике из черного дерева, мой друг, находится могущественная магия, которая управляет всеми богатствами мира.

– Не оспариваю этого. Я просто дивлюсь, будучи, вероятно, непрактичным реалистом, как такое богатство может считаться подарком, когда, по большому счету, это лишь ссуда – нечто, данное на время.

– Так расскажите же мне, – приказала Морвифь, – что это значит!

Но Гонфаль, прежде чем ответить, какое-то время рассматривал трофеи, являющиеся добычей героизма его более молодых и энергичных соперников. Эти трофеи, в самом деле, были достаточно примечательны.

Здесь, к примеру, лежал добытый из огнедышашей сердцевины ужасного семистенного града Ланхи суетливым принцем Лорнским Хедриком после бесконечного числа выдающихся подвигов тот самый агат, который в давно минувшие времена оберегал могущество древних императоров Македонии. На этом странном камне виднелись обнаженный мужчина и девять женщин, прорисованные жилами агата. И этот агат обеспечивал своему владельцу победу в любой битве. Войска варварских Чудесных Островов были бы способны по первому зову патриотизма или религиозной веры опустошить или ограбить самые богатейшие царства в этой части света, если б Морвишь выбрала этот агат в качестве свадебного подарка.

Но, однако, Гонфаль, отложив камень в сторону, с грустью произнес лишь одно слово: «Бунхум!» – на каком-то чужеземном языке, которым овладел во время своей карьеры странствующего рыцаря.

Затем Гонфаль взглянул на оникс. Это был оникс Тоссакена. Его владелец обладал силой, способной вытянуть из кого угодно душу, даже из самого себя, и заточить эту душу внутрь полого оникса. И владелец камня мог, между прочим, беспрепятственно пройти куда угодно.

За мрачным мерцанием оникса виднелся зеленый блеск изумруда, на котором были выгравированы лира и три жука, а также дельфин и бычья голова. Никакие неудачи и несчастья не могли войти в дом, где находился этот Самосский самоцвет.

Но ярчайшим из всех заколдованных камней, разложенных на столике из черного дерева, был бриллиант Лунед, обладатель которого мог по своему желанию становиться невидимым. И этому Кимрскому чуду Гонфаль отдал должное, пожав плечами.

– Этот бриллиант, – сказал затем Гонфаль, – есть дар, который рассудительный человек мог бы верноподданно предложить своей царице, но едва ли будущей жене. Я говорю, сударыня, как вдовец. И уверяю вас, что принца Оркского Дуневаля мы можем скинуть со счетов как чересчур пылкого любителя опасности.

Морвишь подумала, что с его стороны это очень умно, дурно и цинично, но улыбнулась и ничего не сказала. А Гонфаль дотронулся до подарка напыщенного маленького Торньи Вижаского. То был серый сидерит, который при погружении в проточную воду и надлежащих жертвоприношениях говорил тонким детским голоском все, что желал узнать его владелец. Военные и государственные тайны всех времен и народов, тайны ремесел и торговли становились известны обладателю серого сидерита.

Гонфаль осторожно дотронулся до лунного камня Наггар-Туры, режущей кромки которого не могло выдержать ни одно вещество, так что прочные двери вражеской сокровищницы или стены укрепленного города можно было разрезать этим самоцветом, как ножом яблоко.

Однако равным образом сверхъестественным, но в другом роде, был сосед лунного камня – сияющий алым самоцвет с фиолетовыми полосками. Все необходимое для гарантии успешного результата любого предприятия было высечено на этом камне и проявлялось утерянной краской под названием тингарибин. Для обладателя этого камня – осколка, как свидетельствуют самые уважаемые заклинания, памятника, который Иаков воздвиг в Вефиле – было невозможно провалить какое-либо начинание.

Однако Гонфаль также отложил его в сторону, вновь заговорил на иностранном языке, незнакомом Морвиши. Он произнес слово: «Хохкум!»

И тогда, но не раньше, ответил Гонфаль царице Морвиши.

– Я имею в виду, – сказал он, – что своими собственными глазами видел, как тот дюжий плут, дон Мануэль, достиг вершины человеческих желаний, а потом ушел, сбив всех с толку, в никуда. Я имею в виду, что благодаря этим амулетам, талисманам и остальным самым ужасным проявлениям литомантии монарх может сохранить на более долгий срок, нежели Мануэль, множество денег, земель и всевозможной власти и может удерживать все эти прекрасные вещи десять или двадцать, или даже тридцать лет. Но никак не сорок лет, сударыня. Ибо к этому времени богатства и почести сего мира должны покинуть любого смертного, и от вели-

чайшего императора или ужаснейшего завоевателя через сорок лет останутся лишь кости в черном ящике.

И, Гонфаль также сказал:

– Таково сейчас положение Александра, когда-то владевшего этим агатом. Ахилл, обладавший сидеритом и прославившийся у стен Трои, правит не в большем царстве. А в отношении Августа, Артаксеркса и Аттилы – не будем продвигаться дальше по алфавиту – приложимы точно такие же замечания. Эти люди очень лихо расхаживали по земле, пыл их поступков был поистине героичен, а звучание их имен стало бессмертным, словно звучание ветра. Но сорок лет прошли, и всемирная их прижизненная слава исчезла, как пыль, сдуваемая ласковым, но настойчивым ветром, который сейчас дует с Юга и приносит новую жизнь на Инис-Дахут, но ничто мертвое не оживляет. Именно так всегда должны исчезать все почести, как пыль.

Затем Гонфаль сказал:

– Именно так, своими собственными глазами, я видел, как дон Мануэль свалился с возвышения своего трона, который всепопиравший мошенник заполучил и удерживал без всякой щепетильности. И я видел, как его власть превратилась в пыль. Такие случайные триумфы справедливости, сударыня, наводят на серьезные размышления... Поэтому мне кажется, что эти господа-соискатели предлагают вам не дар, а всего лишь ссуду. Как реалист, я с должным сожалением волей-неволей считаю, что условия конкурса не выполнены.

Царица тщательно обдумала его высокопарную речь. И она посмотрела на Гонфалья с улыбкой, которая сейчас походила на его улыбку и которая, по-видимому, не совсем прямо была связана с тем низведением и приземлением, которым он занимался.

Затем Морвифь сказала:

– Верно. Ваша логика восхитительна, поскольку неопровержимо сочетает благочестие с пошлостью. На Инис-Дахуте не существует ни одного общеизвестного Фундаменталиста, да и на любом другом из Чудесных Островов тоже, который бы посмел оспорить то, что богатства сего мира – лишь ссуда, поскольку это доктрина Пиге-Ипсизига и всех даровитых вероучений. Эти деловитые, напористые, уродливые паразиты, нахально разъезжавшие по свету и повсюду делавшие все по-своему, оскорбили меня. По праву, – сказала царица, довольно-таки уверенно, – по праву мне следует отрубить им головы?

– Но эти героические отпрыски – принцы, сударыня. Таким образом, удовлетворение вашего естественного возмущения привело бы к войне с их отцами. А ввязываться в семь войн, подсказывает моя логика, было бы весьма неудобно.

Морвифь поняла справедливость его слов и сказала со слабым вздохом:

– Отлично! Я одобряю вашу математику. Я прощу их наглость с великодушием, подобающим царице. И я продлю конкурс еще на один год и на один день.

– Это, – оценил решение Гонфаль, по-прежнему странно улыбаясь, – будет прекрасно.

– И кроме того, – добавила она, – у вас появится шанс вместе с остальными!

– Это, – согласился Гонфаль без следа улыбки или какого-либо другого проявления энтузиазма, – также великолепно.

Но Морвифь улыбнулась, привычным жестом поправляя волосы. И она послала за семью героями-поклонниками и поговорила с ними, как она выразилась, начистоту.

Глава VII

Второй удар рока

Итак, все началось заново. Лица у героев недоуменно вытянулись, а простой люд был разочарован, упустив бесплатные развлечения, сопутствующие царской свадьбе. Но священнослужители, уважаемые миряне и знатные налогоплательщики рукоплескали решению царицы Морвифи как самому великолепному образцу поведения в такие смутные дни бездуховного материализма.

Так что вновь восемь поклонников Морвифи встретились в соборе, чтобы их мечи должным образом освятит имам Булоту. И этот благодетельный и по праву любимый всеми старый священник, перерезав горло трем избранным мальчишкам, начал церемонию с молитвы Пиге-Ипсизигу – Тому, чьи превращения сокрыты во всех храмах, опекаемых самыми уважаемыми людьми, сказав, как требовали обычай и вежливость:

– Высота тверди подвластна Тебе, о Пиге-Ипсизиг! Твой престол так высок! Узоры на сиделище твоих голубых шаровар суть яркие звезды, что никогда не меркнут. Каждый человек совершает подношения той части Тебя, которая открыта, и Ты есть Сидящий Хозяин, которого помнят на небесах и на земле. Ты есть сияющее благородство, сидящее выше всех благородных, Ты постоянен на Своем высоком месте, Ты утвержден в Своей неумолимой верховной власти и Ты – каллипигейный Князь Сообщества Богов.

Никто, конечно, не верил этим словам, но на Инис-Дахуте, как и во всех остальных краях, Фундаменталисты надлежащим образом гордились своим племенным божеством и, когда бы ни тратили время на религиозные отправления, выжимали из превозношений этому богу сколько только могли. Теперь они совершили Пиге-Ипсизигу прекрасные подношения из перепелов, корицы и бычьих сердец и запели Гимн Усыпанного Звездами Зада, тогда как на жертвеннике стояли два кувшина с кровью детей.

Таким образом, поначалу все шло достаточно гладко. Но когда компания поклонников Морвифи с обнаженными мечами приблизилась к жертвеннику для их освящения и покуда они поднимались по ровным порфирным ступеням, хромающий Гонфаль споткнулся или поскользнулся. Как бы то ни было, он выронил меч. Высокорослый герой поспешно поймал падающий меч, схватив его за недавно заточенное лезвие. И он вцепился в него с таким необъяснимым рвением, что разрезал себе правую руку до кости, а к тому же порезал все пальцы.

– Решительно, – сказал Гонфаль с кривой усмешкой, – в этом есть некий рок и соискание руки Морвифи не для меня.

Он говорил чистую правду, ибо дням, когда он носил меч, пришел конец. Гонфаль должен был искать врача и бинты, в то время как освящались мечи его соперников. Царица заметила, что он ушел, и, движимая то ли благодушием, то ли религиозными угрызениями совести, сказала вполголоса:

– Волей-неволей приходится восхищаться этим реалистом.

Она услышала вдалеке стихающее эхо трубных звуков и поняла, что еще раз семь героев-поклонников царицы Морвифи отправились лишать мир его главных богатств. Но бородатый Гонфаль остался на варварских Чудесных Островах, даже под той же крышей, что и Морвифь, и не беспокоился ни о каких богатствах, кроме красоты Морвифи, которую он лицезрел ежедневно. Со временем руку ему вылечили, но пальцами на этой руке он больше двигать не мог. А в остальном, если люди и перешептывались там и сям, сплетни не выходили за пределы достаточно известные при расчетах дворцовой жизни.

Глава VIII

Как хвастались принцы

И вот, когда вновь прошел год и на Инис-Дахуте вновь подул южный ветер, возвратились семеро поклонников и привезли с собой другие раритеты, добытые героическими подвигами.

Тут, к примеру, была фигурка птицы, вырезанная из нефрита и сердолика.

– С помощью этой бесценной птицы, – объяснил принц Лорнский Хедрик – тот, который на самом страшном из обитаемых полуостровов, если ему верить, вырвал этот талисман у Морского Царя, – вы сможете попасть на Морской Базар и сможете свободно разгуливать среди народа, живущего в домах из кораллов и черепаховых панцирей, крытых рыбой чешуей. Мудрость морского народа превосходит сухую и бесплодную мудрость земли, их знание насмехается над вымыслами, которые мы называем временем и пространством, а их дети лепечут о тайнах, неведомых ни одному из наших главных пророков и самых искусных геомантов.

– Это что! – воскликнул принц Таргамонский Балеин. – У меня есть дымчатая завеса, расшитая крохотными золотыми звездочками и роговыми чернильницами. И она позволяет проходить через пылающие врата Ауделы – страны, лежащей по ту сторону огня. То царство Слото-Виепуса: в том краю нет горя, а счастье и непогрешимость привычны для всех, поскольку Слото-Виепус – великий мастер искусства, которое вытравляет и выжигает любую ошибку, будь она человеческая или божественная.

Принц Оркский Дуневаль не сказал ничего. Он молча совершил свое подношение, оказавшееся квадратным зеркальцем вершка в три поперечником. Морвифь посмотрела в это зеркало. Увиденное в нем мало походило на великолепную смуглую девушку. Она поспешно отложила в сторону этого блестящего и чересчур мудрого советника, а лицо царицы стало встревоженным, поскольку не было нужды спрашивать, что за зеркало привез ей Дуневаль из Антана.

Торньи Вижуаский не любил молчать. А следующим соискателем был он.

– У подобных безделушек, которые я замечаю у ваших ног, моя принцесса, – заявил Торньи Вижуаский, – есть свои достоинства. Никто и не отрицает этих достоинств. Но я, который теперь могу обратиться к вам с откровенностью, которой следует присутствовать между двумя, в сущности помолвленными, людьми, я принес тот сигил, который дал мудрость и власть Аполонию, а позднее Мерлину Амброзию. Он представляет собой, как вы видите, глаз, окруженный скорпионами, оленями и, – он кашлянул, – крылатыми существами, у которых обычно нет крыльев. И он управляет девятью миллионами воздушных духов. Мне больше ничего говорить не нужно.

– А мне нужно, – вступил в разговор принц Гурген, – сказать, что у меня здесь сияющий треугольник Торстейна. А сказать это – значит сказать намного больше, чем сказал Торньи. Ибо этот треугольник – господин мудрости извергов и всех народов, обитающих под землей. Более того, сударыня, если этот треугольник перевернуть – вот так, он сделает вас способной по своей воле благословлять и проклинать, беседовать с умершими жрецами и владеть силой и семью таинствами луны.

– Подобной подпольной мудрости, подобным созданиям пещерных людей и в особенности вашим лунным испарениям я заявляю во всеуслышанье, словно птица с конька крыши: «Дешевка, дешевка!» – заметил принц Клофурд. – Ибо у меня здесь, в этой шагреновой шкапулке, знаменитый, могущественный и несказанно священный перстень Соломона, подданными владельца коего являются джинны, ослоногие нацикины и четырнадцать самых благодумных и верных серафимов Яхве.

Принц Гримок же сказал:

– У Соломона была своя архаичная мудрость, достаточно пригодная для повседневных дел, но весьма ограниченная, так как отмерялась иудейским богом. Но у меня здесь жертвенник, высеченный из куска селенита. Внутри этого жертвенника вы можете услышать движение и сухое шуршание какого-то бессмертного. Давайте не будем говорить об этом бессмертном: ни солнце, ни луна никогда не освещали его, а его имя далеко не привлекательно. Но это Жертвенник Противника, и владелец этого маленького жертвенника может за определенную плату возвыситься до мудрости, бросающей вызов сдерживающим началам и выходящей за границы, начертанные любым богом.

Таковы были дары, принесенные Морвифи. И по двум причинам царица затруднилась сказать, какое из этих подношений достойно стать свадебным подарком.

Глава IX

Мудрость взаимности

Но Гонфаль, когда царица совещалась с ним наедине, как она уже привыкла решать все вопросы, высокий статный Гонфаль пожал плечами. Он сказал, что на его взгляд, без сомнения, взгляд непрактичного реалиста, ее поклонники еще раз привезли не подарки, а всего лишь суды весьма сомнительной ценности.

– Ибо я видел, как дон Мануэль заполучил уйму подобной мудрости из весьма небезопасных источников. И я к тому же видел, что из этого получилось, когда седовласому плуту пришлось в назначенное время возвращать свою мудрость. Да, сударыня, у всех должна быть отнята любая мудрость. Эти мудрецы, обладавшие в старину всеми своими знаниями... сохраняют ли они их сейчас? Вопрос абсурден, поскольку земля, которой стал Соломон, содержит в себе не больше разума, чем грязь, которой стал третий помощник Соломонова повара. Упорные люди до сего дня заполучили мудрость Ауделы или Морского Базара; и та Фрайдис, с которой дон Мануэль жил некоторое время в некроромантичном беззаконии, и та неопишная Иродиада, бывшая дочерью Таны, – эти женщины когда-то достигли мудрости Антана. Но смогли ли они взять эту мудрость с собой в могилу?

– Понятно, – задумчиво сказала Морвифь и улыбнулась.

– Равным образом, – продолжил Гонфаль, – где теперь ваш Торстейн или ваш Мерлин? Все, что сегодня осталось от любого из этих чудотворцев, вполне возможно, в этот самый миг несет над нами вместе с пылью ласковый, но настойчивый ветер, дующий над Инис-Дахутом. Но волхв движется неопознанным, непочитаемым, бессильным, и он движется по воле ветра, а не по своему выбору. Ах, нет, сударыня! Эти причудливые, архаичные игрушки могут на короткое время дать взаимности мудрость и понимание. Но тем не менее через сорок лет...

– О, достаточно вашей арифметики! – попросила его Морвифь. – Она служит хорошую службу, и я одобряю вашу математику. Я действительно считаю совершенно чудесным то, мой милый, как быстро вы, реалисты, можете выдумать подходящие трюизмы. Но точно так же я начинаю ненавидеть этот ветер. И я бы лучше поговорила о чем-нибудь другом.

– Тогда давайте поговорим, – сказал Гонфаль, – о том, насколько отлично от всех остальных женщин я отношусь к вам.

– Эта тема не нова. Но она неизменно интересна.

Так, некоторое время они обсуждали этот вопрос. Затем они перешли к другим вопросам. И Морвифь спросила Гонфалья, уверен ли он, что уважает ее так же, как всегда, и Морвифь поправила волосы и призвала к себе имама Булоту, а также послала за премьер-министром Масу.

– Мудрость сего мира – лишь несомая ветром пыль, – сказала Морвифь. – Сохраняют ли мудрецы, обладавшие в старину мудростью, ее сейчас?

Затем она с похвальной точностью повторила остальные замечания Гонфалья.

И ее слушатели с неподдельным чувством уважения похвалили ее.

– Ибо такое проникновение в вопрос, который Пиге-Ипсизиг не считал нужным раскрывать, мне всегда казалось небезопасным, – заметил премьер-министр.

– По сути, притязания науки, так называемой... – начал имам и говорил свои обычные двадцать минут.

Таким образом, все было назидательным образом улажено. Подношения королевских сынков были объявлены неистинными подарками; вновь был объявлен конкурс; и еще раз семь героев разъехались по свету. И мысли не было, что высокий Гонфаль отправится вместе с молодыми соперниками, ибо калека, который не мог держать меч, не годился для дела лишения мира его сокровищ. Вместо этого бородатый Гонфаль остался на Инис-Дахуте и безмятежно

жил на варварских Чудесных Островах. И если люди теперь говорили кое о чем открыто, то чему тут удивляться: любая царица никогда не может и надеяться быть совершенно свободной от критики.

Глава X

О голове Гонфалья

Следствием уже описанных двух ударов рока явилось то, что, когда вновь пришла весна и когда еще раз над Инис-Дахутом задул южный ветер, Гонфаль Нэмский сидел у ног Морвифи, положив красивую голову ей на колени, и ждал возвращения ее менее невезучих поклонников.

– Интересно, какие подарки они принесут мне, – сказала царица Морвифь, – примерно в этот же час завтра?

И Гонфаль, не двигаясь, важно вздохнул и ответил:

– Мне, сударыня, они принесут горькие дары. Ибо, кто бы ни победил в этом конкурсе, я проиграл; и что бы он ни принес вам, мне он принесет отделение от сути, и мне он принесет мучительный, хотя и короткий промежуток одиночества, прежде чем вы решитесь отрубить мне голову.

Тут она по-матерински погладила его по голове.

– Что за мысль! – сказала Морвифь теперь, когда мужчина сам заговорил о приближающемся исполнении общественного долга, угроза которого уже какое-то время беспокоила ее. – Будто, мой милый, я вечно только об этом и думала!

– Вне сомнения, это произойдет, сударыня. Замужество влечет за собой выполнение множества обязательств, и не все они приятны. В частности, царицам приходится соблюдать приличия, им приходится гарантировать свободу действий тех, кому они доверились.

– Знаете, – с грустью произнесла она, – именно это и сказал мне намеренно мой дорогой старый имам. И Масу говорил о том, что замужняя женщина должна религии, и о прекрасных образцах нравственности.

– И, однако, кажется странным, наслаждение моих наслаждений, что я брошу вас – ради палача – без настоящего сожаления. Ибо я удовлетворен. Пока мои хитрые собратья разезжали по свету в поисках власти и мудрости, я решил, будучи непрактичным реалистом, следовать красоте. Разумеется, я следовал ей, выражаясь языком этого нелепого юного Гримока, платя определенную цену. Однако за эту цену я достиг, искалеченный и обреченный, красоты. И я удовлетворен.

Царица натянула на лицо соответствующую случаю застенчивую мину.

– Но что же такое, мой друг, в конце концов, чистая красота?

И он ответил с честностью, которой она весьма не доверяла:

– Красота, сударыня, это Морвифь. Не легко описать ни одно из этих самых дорогих и ослепительных синонимов, о чем свидетельствуют горы испорченной бумаги!

Она ждала, по-прежнему глядя его, и ей на ум пришел странный вопрос: возможно ли, что даже сейчас этот мужчина над ней насмехается?

Она сказала:

– Но не огорчит ли вас нестерпимо, мой милый, что вы увидите меня женой другого мужчины? И не будет ли по-настоящему добрым поступком...

Но бестолковый малый не стал рыцарственно сглаживать ее путь к грядущему исполнению общественного долга. Вместо этого он ответил достаточно странно:

– Морвифь, которую я вижу и по-своему почитаю, не может быть ничьей женой. Все поэты узнали эту истину по ходу своего беспокойного продвижения в направлении реализма.

И еще какое-то время юная царица молчала. А потом она сказала:

– Я не вполне вас понимаю, мой дорогой, и, вероятно, никогда не пойму. Но я знаю, что из-за своей любви ко мне вы дважды себя калечили и откладывали в сторону, словно это пустяк, свой шанс добиться почестей, огромного богатства и всего того, что наиболее ценят эти слабые людишки...

– Я, – ответил он, – реалист. Конечно, за три крайне приятных года надо платить. Но реалисты платят не хныча.

– Дорогой мой, – продолжила царица, теперь учащенно дыша и со своего рода счастливыми всхлипываниями, которых, по ее мнению, требовал случай, – вы единственный из всех мужчин, так много болтающий и рисующийся, вы один подарили мне искреннюю и безраздельную любовь, даже не сопоставляя свою собственную честь рыцаря и всемирную славу с абсолютностью этой любви. И, конечно, именно как и говорит имам, если б я когда-нибудь вышла замуж за кого-то другого, что я обещала сделать – в известном смысле, – то все же не потому, что не могла бы махнуть рукой на приличия, а просто не хочу, чтобы ее отрубили! Ибо такая весьма самозабвенная любовь, как ваша, дорогой Гонфаль, есть дар, достойный стать моим свадебным подарком. И безотносительно к тому, что говорит кто-либо, именно вы будете моим мужем!

– А как же объявленный конкурс, сударыня? – ответил он. – И ваши обещания этим семи идиотам?

– Я расскажу этим отвратительным третьим сыночкам, и имаму, и Масу, и всем, – сказала царица, – довольно весомую и действительно священную истину. Я расскажу им, что нет более великого подарка, чем любовь.

Но красивый мужчина, теперь поднявшийся перед ней, ни в коей мере не разделял ее возвышенных чувств. И был явно виден его испуг.

– Увы, сударыня, вы предлагаете совершить чудовищное преступление! Ибо мы все в такой крайней степени являемся рабами своих лозунгов, что все бы с вами согласились. На то, «что скажет кто-либо», нет никакой надежды. Придурки повсеместно скажут, что вы выбрали мудро.

Тут Морвифь выпрямилась на своем диване из слоновой кости.

– Я уверена... я, в самом деле, совершенно уверена, Гонфаль, что вас не понимаю.

– Я имею в виду, сударыня, что, в то время как ваше предложение, конечно же, очень милосердно и благородно, я вновь должен, из чистой справедливости, я должен кое-что пояснить. Я имею в виду, что, по-моему, вы знаете, как и я, что любовь не подарок, который можно дарить, да никто и не надеется его надолго сохранить. Ох, нет, сударыня! Мы пожмем плечами, мы с улыбкой оставим романтикам их лозунги. Между тем, для таких реалистов, как мы с вами, остается несомненным, что любовь тоже лишь ссуда.

– Так вы вернулись, – заметила царица, начиная раздражаться, – к своим вечным ссудам! Он слегка развел руками.

– Любовь – это та ссуда, моя дорогая, которую мы берем с наибольшей благодарностью. Но в то же самое время давайте признаем, как рациональные люди, непрочность всех тех вещей, что обычно вызывают эротические эмоции.

– Гонфаль, – сказала юная царица, – сейчас вы говорите ерунду. Вы говорите с опасным недостатком чего-то более важного, нежели благоразумие.

– Моя любовь, я опять-таки говорю как вдовец. – Затем какое-то время он молчал, и Морвифи показалось, что этот непостижимый и неблагодарный человек дрожит. Он же сказал: – И по-прежнему я говорю о математической определенности! Ибо как вы можете надеяться всегда оставаться предметом любви? Через десять лет, самое большее через двадцать, вы станете либо полной, либо морщинистой; ваши зубы сгниют и выпадут; ваши глаза потускнеют; ваши бедра весьма несоблазнительно раздадутся вширь; ваше дыхание станет неприятным, а ваши груди превратятся в висящие мешки. Все эти ухудшения, повторяю, моя дорогая, произойдут с математической определенностью.

На такой жуткий и неуместный вздор царица с достоинством ответила:

– Я не ваша дорогая. И я просто дивлюсь вашим наглым мыслям в отношении меня.

– Значит, к тому же, – задумчиво продолжил дурно воспитанный негодник, – вы не слишком рассудительны. Это довольно неплохо, поскольку рассудительность в юности, по тем или иным причинам, плохо влияет на волосы и портит фигуру. Однако пожилая женщина, глупая, как госпожа Ниафер или еще одна женщина, которую я нередко вспоминаю, совершенно невыносима.

– Но что, – спросила она его вполне здраво, – у меня общего с глупыми старыми женщинами? Ведь я – Морвифь, я – царица Чудесных Островов. У меня есть таинственные предметы, управляющие любым богатством – если бы мне когда-либо пришлось по душе такие вещи – и к тому же любой мудростью. Не существует красоты, подобной моей красоте, да и власти, подобной моей власти...

– Знаю, знаю! – ответил он. – И в настоящее время я, конечно же, вас обожаю. Но, тем не менее, согласись я с вашим самым ужасным предложением и разреши вам поместить себя, совершенно открыто, рядом с собой на высоком троне Инис-Дахута... что ж, тогда через весьма непродолжительное время я стал бы не против того, что вы глупы, я бы действительно не замечал вашей ветшающей внешности, я бы благодушно воспринимал все ваши недостатки. И я был бы вполне удовлетворен вами – той, которая когда-то являлась отчаяньем и радостью моей жизни. Нет, Морвифь, нет, мое дитя! Я, который когда-то был поэтом, не могу вновь вынести жизни в довольстве вместе с глупой и ворчливой женщиной, которая еще и непривлекательна внешне. И, совершенно определенно, через двадцать лет...

Но царственный жест приостановил столь безумные речи, и Морвифь, тоже встав, сказала:

– Ваша арифметика начинает утомлять. Можно позволить себе почитать трюизмы в соответствующее им время и о подходящих людях. Но существует, и всегда должен существовать, предел диапазону такого избитого философствования. У вас больше нет публики, мессир Гонфаль. И это ваша последняя публика, поскольку я считаю вас последней скотиной.

Гонфаль поцеловал властительную ручку, прогоняющую его.

– Вы же, моя дорогая, – заявил он, – в любом случае, прежде всего человечны.

Глава XI

Расчетливость Морвифи

И вот так получилось, к огромному облегчению имама и, как казалось благочестивому доброму старику, вероятно, в качестве непосредственного ответа на его молитвы о том, чтобы этот вопрос был приемлемо улажен во всех отношениях и без каких-либо неприятностей, что на следующий день, в полдень, как раз когда семь героев возвращались с подарками, слуга принес царице Морвифи отрубленную голову Гонфаля.

Это происходило в зале Тотмеса со сводчатым потолком, постройка которого имела знаменитую историю и о великолепии которого странники по возвращении домой рассказывали без всякой надежды, что им поверят. Там и находилась Морвифь, сидя в короне на высоком престоле. И в это ясное апрельское утро трубы на узких улочках и на бронзовых и изразцовых крышах не оповещали о том, что самые могучие и самые хитрые герои приближаются к Инис-Дахуту из всех царств земли, мечтая о юной царице Чудесных Островов, чья красота – диво дивное и легендарна в далеких краях, неизвестных Морвифи даже по названиям.

Вот так и сидела Морвифь, а у ее ног покоилась отрубленная голова Гонфаля. На роскошной бороде запеклась кровь, но мертвенно-бледные губы по-прежнему улыбались чему-то, казалось, совсем несущественному. И Морвифь задалась прежним вопросом: возможно ли, что даже сейчас этот мужчина над ней насмехается? И возможно ли, гадала она (так как внезапно вспомнила их первый разговор), что блондинки порой чертовски хорошо сохраняются и что какая-нибудь полинявшая безответственная принцесса могла бы, так или иначе, даже находясь в могиле, одержать победу над великой Царицей?

В общем, великой царице пока не было нужды думать о могилах и их весьма неприятном содержимом. Ибо Морвифь пока сидела высоко – величественная, юная и всемогущая – в своем прекрасном дворце, о котором вздыхало так много ее поклонников, а над которым дули ласковые апрельские ветры... Никто не отрицал, что этот очень утомительный ветер каждый год будет прилетать с Юга (размышляла прелестная девушка, начав в задумчивости тыкать ногой в то, что осталось от Гонфаля) и что точно так же этот настойчивый ветер будет дуть над Инис-Дахутом, когда здесь больше не будет ни Морвифи, ни дворца... Никто не отрицал этого, и никто, кроме сумасшедших и весьма грубых людей, вообще не думал серьезно о таких трюизмах.

Для действительно благочестивых особ достаточно того, что в юности у них есть одолженное им блестящее убежище от безжалостного, настойчивого ветра, уносящего все, словно пыль. Если человек то и дело чувствовал себя чуточку подавленным, то не по какой-то определенной причине. А Морвифь, которая пока, в отведенное ей время, была царицей пяти Чудесных Островов, слышала трубы и герольдов, возвещающих о прибытии принца Лорнского Хедрика...

Значит, он вернулся первым из всех этих совершенно отвратительных зануд, которые из-за любви к ней, теперь уже в третий раз, лишили весь мир его богатств. А у него довольно-таки приятные глаза. И Морвифь поправила прическу.

Книга Третья

Блестящие пчелы Тупана

«...И пчелы, которые в земле Ассирийской, – и прилетят, и усядутся все они по долинам опустелым и по расселинам скал, и по всем колючим кустарникам, и по всем деревьям».

Исайя, 7, 18-19

Глава XII

Заслуженный волхв в отставке

Теперь история более не о Гонфале, который из властителей Серебряного Жеребца погиб первым. Вместо этого история рассказывает, что во время приключений Гонфалья на Инис-Дахуте еще три героя этого братства покинули тот Пуактесм, который при правлении госпожи Ниафер менялся день от дня. В самом деле, Котт Горный уехал на Запад в тот же самый месяц, в который Гонфаль отбыл на Юг. С Коттом спорить всегда было бесполезно. Поэтому, когда он объявил о своем намерении вернуть дону Мануэля в Пуактесм, который женщины, святые и лживые поэты (как доказывал Котт) делают совершенно непригодным для житья, никто не спорил. Котт отправился на Запад, и ему никто не мешал и его никто не отговаривал. И некоторое время о нем ничего не было слышно.

А в один прекрасный майский день того же года Керин Нуантельский, синдик и кастелян Басардры, исчез даже более необъяснимо, чем дон Мануэль, ибо об уходе Керина не было даже слухов. Керин, насколько стало известно, пропал в темноте ночного времени без посторонней помощи так же, как эта темнота сама пропадает в свою очередь, и с точно такими же легко исчезающими следами своего ухода. Горе молодой жены Керина, госпожи Сараиды, было таково, что дюжины дюжин поклонников не смогли бы утешить ее во вдовстве, что сразу же стало ясно. И о Керине тоже какое-то время больше не слышали.

И Мирамон Ллуагор, который при Мануэле являлся сенешалем Гонтарона, тоже покинул Пуактесм; спокойно и совсем нетаинственно отбыл вместе с женой и ребенком, сидящими рядом с ним на спине пожилого, совершенно ручного дракона, к себе в старый дом на Севере. Именно там Мирамон впервые повстречал дону Мануэля в те дни, когда Мануэль еще пас свиней. И именно там Мирамон Ллуагор надеялся провести остаток своей жизни, который разрешен ему судьбой, в настолько непритязательным уюте, какой только можно где-то устроить для семейного мужчины.

В других отношениях, на более светлой стороне предписанной ему отвратительной судьбы он не видел ничего, что бы его беспокоило. Ибо Мирамон Ллуагор чудесным образом преуспел в магии; он был, как говорится, ошастливленным больше, чем мог просить любой благоразумный человек. И самым вопиющим из этих излишеств ему казалась его жена.

Рассказывают, что Мирамон являлся одним из Леших, происходящим из народа, который не относится ни к людям, ни к бессмертным, и что дом его предков был построен на вершине горы, называвшейся Врейдекс. На Врейдекс Мирамон Ллуагор и вернулся после роспуска Братства Серебряного Жеребца, и Мирамон перестал забавляться величием Мануэля и другими представлениями о Пуактесме.

Повествуется, что этот волшебник оставил карьеру странствующего рыцаря, в которой сенешаль Гонтарона, посредством своего искусства являвшийся также повелителем девяти разновидностей сна и князем семи безумий, никогда не показывал своих сильных сторон. Он

больше не боролся со злом, а с погодой сражался не чаще, чем подобало герою, подверженному ревматизму, и он никоим образом не рисковал своим уютом, чтобы приостановить процветание несправедливости. Вместо этого он поддерживал на отвесных скалах Врейдекса спокойное уединение, присталое ветерану-кудеснику, в своей башне, выдолбленной в одном из клыков Бегемота; и содержал также значительную свиту разнообразных ужасающих иллюзий для охраны подходов к его Подозрительному Дворцу. В нем, как к тому же рассказывает история, этот волхв возобновил свои прежние занятия и опять создавал сновидения.

Вот так, на спине пожилого, совершенно ручного Дракона Мирамон вернулся к своим прежним занятиям и практике, которую он – в своей потрясающей манере изъясняться – называл искусством ради искусства. Эпизод с Мануэлем, относящийся к низшей области чисто прикладного искусства, был достаточно забавен. Этот глупый, высокий, меланхоличный позер, собравшись спасти Пуактесм, нуждался просто в толике элементарной магии, которую Мирамон приберег для него, чтобы утвердить Мануэля среди великих мира сего. Как следствие этого Мирамон послал несколько вышедших из употребления богов, чтобы изгнать из Пуактесма норманнов, тогда как Мануэль ждал на побережье к северу от Манвиля и разнообразил свое безделье задумчивыми плевками в море. После чего Мануэль владел этим краем к восхищению всех, но в особенности Мирамона, который вообще не мог согласиться с Анавальтом Фоморским в оценке умственной одаренности дона Мануэля.

Да, было забавно служить под началом Мануэля, играя роль властителя Гонтарона и Ранека и рассматривая вблизи этого высокого, серьезного, седого, пучеглазого самозванца, который научился только гениально молчать... Ибо в этом (думал Мирамон) и заключалась тайна Мануэля: Мануэль не спорил, не объяснял, не увещевал; он просто в любое тревожное или смутное время хранил молчание; и это молчание поражало ужасом его вечно болтающий народ и обеспечивало туповатому, но хитрому малому, который лишь скрывал отсутствие каких-либо мыслей и планов, жуткую славу за непостижимую мудрость и безграничную изобретательность.

– Помалкивай вместе с Мануэлем! – сказал как-то Мирамон. – И все остальное приложится. Очень жаль, что у моей жены нет сноровки в разгадывании истинной природы таких типчиков.

Да, четыре года стали забавным эпизодом. Но сны и создание сновидений были по-настоящему серьезными материями, к которым Мирамон вернулся после каникул на свежем воздухе с резней и управлением государством.

И здесь опять же, как и везде, ему противостояла жена. Пристрастия Мирамона в искусстве состояли в обильной романтике, подслащенной абсурдом и прибавленной всем табуированным. Но у его жены Жизели были совершенно иные взгляды, целый набор взглядов, и ее философией являлся воинственный индивидуализм. И кудесник, чтобы сохранять мир и покой по крайней мере в промежутках между наиболее язвительными и многословными выступлениями жены, должен был по необходимости создавать такие сновидения, какие предпочитала Жизель. Но он знал, что эти сны не выражали тех небольших дум и фантазий, которые таились в сердце Мирамона Ллуагора и которые погибнут под ударом судьбы, если он не превратит эти фантазии в сновидения, которые, будучи бестелесными, смогут ускользнуть от плотоядного времени.

Он превосходил других создателей образов, живущих в этом мире. Он являлся опасным властелином (из-за своей свиты иллюзий) всей страны вокруг Врейдекса. Но в собственном доме он не был опасен и не отличался превосходством над кем-либо. И Мирамон жаждал утерянной свободы холостяцкой жизни.

Его жена тоже была недовольна, поскольку пути Леших казались этой смертной непристойными. Судьба, на которую были обречены Лешие, ей, родившейся в народе, которого предопределение, похоже, не беспокоило, мнилась отдающей дурным вкусом. По сути, Жизель все

время раздражало, что ее маленькому Деметрию суждено убить отца заколдованным мечом Фламбержем. Такое предопределение Жизель не находила событием, которое бы хотелось иметь грозящим вашей семье. И она чувствовала, что чем быстрее поговорить совершенно откровенно с седыми Норнами, прядущими судьбу всех живущих, тем лучше будет для всех заинтересованных лиц.

Ее раздражал один вид Фламбержа. Так что, когда, почистив по обыкновению меч в четверг утром, она вошла в башню Мирамона из слоновой кости, чтобы повесить роковое оружие на положенное место, ее тревожили мысли не о шелке и меде.

Вместе с Мирамоном под зеленым балдахином с кистями сидел человек, которого Жизель увидела здесь без удивления. Ибо сегодня с Мирамоном наедине совещался Нинзиян, бейлиф Яира и Верхней Ардры который из всех властителей Серебряного Жеребца особо славился своим благочестием. Ужасная необходимость и особая причина, из-за которой Нинзиян был благочестив и человеколюбив, не являлись общеизвестными, но Мирамон Ллуагор знал о них и поэтому должным образом использовал Нинзияна. В действительности, в тот самый день они вдвоем рассматривали то, что Нинзиян нашел в земле Ассирийской и приобрел для кудесника по дорогой цене.

Глава XIII

Расчетливость Жизели

В этот момент госпожа Жизель тоже посмотрела на то, что Нинзиан достал для ее мужа по дорогой цене. Она посмотрела на это в целом чуть с меньшим неодобрением, чем после на обоих мужчин.

– Добрый день, да благословит вас Господь, мессир Нинзиан! – сказала госпожа Жизель и протянула руку, в которой она сжимала тряпку, для поцелуя и расспросила достаточно любезно о его жене, госпоже Бальфиде. Затем она заговорила совсем другим тоном с Мирамонам Ллуагором: – И чем же ты собираешься захлать дом на этот раз?

– Ах, женушка, – ответил Мирамон, – здесь, весьма тайно вывезенные из земли Ассирийской, те самые пчелы, о которых есть пророчество, что они усядутся по всем кустарникам. Это блестящие пчелы Тупана – сокровище, находящееся за пределами слов и мыслей. Они не такие, как остальные пчелы, ибо с виду похожи на сверкающий лед. И они беспокойно ползают, как ползали со времени падения Тупана, по этому кресту из черного камня. . .

– Очень подходящая история, чтобы рассказать ее мне, видящей, что у этих отвратительных тварей есть крылья, и они могут разлететься, когда им заблагорассудится! И, кроме того, кто такой этот Тупан?

– В этом мире он никто, женушка, и мудрее о нем не говорить. Достаточно того, что во времена Предков он сделал все таким, какое оно было. Потом из Идалира появился Кощей Бессмертный, отобрал власть у Тупана и сделал все таким, какое оно есть сейчас. Однако трое слуг Тупана продолжают жить на земле, где они, бывшие когда-то повелителями Вендов, сейчас не имеют никаких привилегий, кроме как скромно ползать в облике насекомых. Крылья отказывают им повиноваться здесь, среди всего, созданного Кощеем, и их неизменно удерживает заколдованный камень. Но, женушка, существует одно заклинание, которое освободит их. . . заклинание, которое пока еще никто не обнаружил, а его первооткрыватель будет одарен всем, чего он только сможет пожелать. . .

– Очередной вздор из старых сказок, где выполняется три желания и ни от одного из них нет никакого проку!

– Нет, моя любовь, поскольку я направлю их на совершенно иные, практические цели. Ибо ты должна знать, что, когда я найду это заклинание, которое освободит пчел Тупана. . .

Жизель дала понять, что глупости супруга ее не волнуют. Она вздохнула и повесила меч на привычное место.

– Как я устала от этого бесконечного колдовства и занятий пустячными сновидениями!

– Тогда, женушка, – сказал Мирамон, – зачем ты постоянно вмешиваешься в то, чего не понимаешь?

– Думаю, – тут же заметил Нинзиан, ибо Нинзиан тоже был женат, – думаю, мне лучше уйти.

Но внимание Жизели было целиком уделено ее мужу.

– Я вмешиваюсь, как ты это очень важно назвал, поскольку у тебя нет представления о том, что правильно и прилично, и нет представления о морали, и нет чувства целесообразности, и, по сути, вообще нет никаких чувств.

Мирамон же сказал:

– Ну, дорогая!..

Нинзиан поспешно взялся за шляпу.

А Жизель продолжала изливать тот неодолимый и опустошительный поток, который свойствен приливным волнам и языку жены, говорящей для блага своего мужа.

– Женщинам повсюду, – сообщила Жизель, – приходится тяжело, но мне особенно жаль женщину, вышедшую замуж за одного из помешанных художников. У нее нет даже наполовину мужа, у нее есть лишь малый ребенок с длинными ногами...

– Оказывается, сейчас немного позднее, чем я думал, на самом деле уже... – безрезультатно заметил Нинзиан.

– ...И у меня могла бы быть дюжина мужей...

Мирамон сказал:

– Но наверняка ни одна женщина с таким высоконравственным поведением, как твое, моя дорогая...

– ...Я могла бы, как ты отлично помнишь, выйти замуж за самого графа Мануэля...

– Знаю. Не могу забыть, как ты чуть не собралась выйти за него замуж. Он был тупым, бесчувственным и весьма нечестным олухом. Но удача никогда не оставляла Свинопаса Мануэля, – сказал со вздохом Мирамон, – даже в те дни!

– А я тебе говорю, что могла бы выбрать из дюжины действительно выдающихся и видных воинов, у которых хватило бы такта вспоминать о годовщине нашей свадьбы и о моих днях рождения и которые, в любом случае, не торчали бы дома по двадцать четыре часа в сутки! Вместо этого теперь я привязана к бестолочи, тратящей свое время на выдумывание снов, которые, так или иначе, никого не волнуют! И однако, даже при этом...

– И однако, даже при этом, как ты, без сомнения, собираешься отметить, моя дорогая, даже при этом, поскольку твой монолог имеет отношение к предметам, которые предположительно могут не интересовать нашего гостя...

– И однако, – сказала Жизель с сильным и убийственным ударением, – даже при этом, если б ты только отнесся разумно к своим дурацким затеям, я могла бы примириться с тем неудобством, что ты каждую секунду путаешься у меня под ногами. Людям нужны сны, чтобы помочь им пережить ночь, и никто не наслаждается по-настоящему хорошим сном, как я, когда у меня на него есть время, при миллионе и одной заботе, которыми я обременена. Но сны должны быть благотворны...

– Моя дорогая, в общем, в качестве предмета эстетики, фактически...

– ...Но сны должны быть благотворны, они должны быть осмысленны, они должны учить возвышенной морали, и они, определенно, не должны являться непостижимым, необидительным вздором, который никто не может понять и наполовину. Они должны, одним словом, дать почувствовать, что, в конце концов, этот мир – довольно приятное место...

– Но, женушка, я в этом не уверен, – кротко сказал Мирамон.

– Тогда тебе еще больше должно быть стыдно! И, мягко выражаясь, тебе лучше держать подобные представления при себе, а не тревожить ими наслаждение других людей!

– Я использую свой природный дар, я выражаю самого себя, а не других. Розовый куст не дает зерна, да и льна тоже, – ответил кудесник, устало пожав плечами. – Короче, чего ты хочешь?

– Шибко тебя волнует, – розовый куст! – что я предпочитаю! Но если б у меня и было желание, твое дурацкое создание сновидений отобрали бы у тебя, и мы смогли бы жить в некотором роде благопристойно и здраво.

Все то время, пока Жизель разумно и спокойно увещевала своего мужа ради его же блага, она лихорадочно вытирала повсюду пыль, просто чтобы показать, какой рабыней она является, и поскольку Мирамона раздражало, когда его личные вещи вот так тыкают и пихают. И сейчас, продолжая говорить, Жизель злобно шлепнула тряпкой по черному кресту. И случившееся изумило бы бесчисленных волхвов и чародеев, посвятивших века поиску заклинания, освобождающего пчел Тупана. Ибо сейчас без всякого применения магии тряпка смахнула с камня одно из насекомых. Сообщают, что Кощей, создавший все таким, какое оно есть, постановил, что эта блестящая угроза должна быть выпущена на волю лишь самым очевидным образом,

поскольку знал, что этим методом любой ученый муж воспользуется в последнюю очередь. Затем какой-то миг стены башни из слоновой кости дрожали, словно раздуваемые ветром занавески. А пчела, сверкая, приблизилась к окну и пролетела сквозь прозрачное стекло закрытого окна, оставив в нем маленькое круглое отверстие, и это существо отправилось к Плеядам, чтобы присоединиться к семи своим сестрам.

Глава XIV

Последовавшие перемены

Теперь, когда восьмая блестящая пчела присоединилась к семи своим сестрам в Плеядах, парящий в пустоте Тупан открыл свои древние безжалостные глаза. Джаси вернулся в свои прежние владения на луне. Все растения и деревья повсюду завяли, а море утратило свой зеленый цвет, и больше не стало изумрудов. А Звездные Воители и Стражи Миров заволновались и стали звать Кощея, изобретшего Их и поместившего на посты, чтобы вечно надзирать за всем, какое оно есть.

Однако Кощей по каким-то своим резонам не ответил.

Затем Джаси прошептал Тупану:

– Грядет час твоего освобождения, о Тупан! Грядет час падения Кощея. Ибо среди всего, какое оно есть, нигде не останется зелени, а без зеленого никто не может сохранить здоровье и силу.

Тупан ответил:

– Я унижен. Мои кости стали как серебро, и мои члены превратились в золото, и мои волосы словно ляпис-лазурь.

– Твой взор не изменился, – медленно прошептал Джаси. – Направь свой взор, о Тупан, на творения Кощея, поносившего Предков и создавшего все таким, какое оно есть.

– Хотя он и признает оба этих злодеяния, какая нужда беспокоить мои глаза, во всяком случае пока?

Тогда Джаси ответил:

– Направь свой взор, о Тупан, чтобы мы, Предки, могли возрадоваться ужасу твоего взора.

Тупан ответил:

– Я существовал прежде Предков. Моя душа существовала прежде мысли и времени. Это душа Шу, это душа Хнума, это душа Аха; это душа Ночи и Запустения, и существует предположение, что моя душа смотрит глазами каждого змея. Моя душа одна хранит все знания о той мрачной пагубности, которая повсюду окружает произведения Кощея, создавшего все таким, какое оно есть. Поэтому что за нужда беспокоить мои глаза, во всяком случае, пока?

Но Джаси вновь сказал:

– Помоги же Предкам! Твои пчелы уже выпущены на волю, и они усядутся по всем кустарникам, и не останется зелени. Направь же и свой взор, в коем знание, в котором отказано Кощей!

И Тупан ответил:

– Время моего освобождения еще не подошло. Тем не менее, когда еще одна пчела будет выпущена на волю, я встряхну свою душу, я направлю свой взор, так, чтобы все смогли ощутить его ужас.

При этом Звездные Воители и Стражи Миров вновь позвали Кощея.

И тогда Кощей ответил Им:

– Потерпите! Когда Тупан будет освобожден, я погибну вместе с Вами. Меж тем, я создал все таким, какое оно есть.

Глава XV

Страшный гнев Мирамона

В тот самый миг, когда восьмая блестящая пчела присоединилась к своим сестрам в Плядах, Мирамон Ллуагор, испуганно стоя в своей башне из слоновой кости, ощутил некое прикосновение к своему лбу, словно по нему провели влажной губкой. Потом он осознал, что после раздражительного высказывания желания его чертовой женой он забыл секрет своего превосходства над остальными.

Говорят, он еще мог вспомнить кое-что из магии Пурина и разбросанных камней, Коня и Водяного Быка, и большая часть учения Апсар и Файдинов осталась ему подвластной. Он по-прежнему мог ухитриться, как он знал, управлять блуждающим Ламбойю, наводить страшный мост Белых Владычиц или выдумывать танец Корриган. Он сохранил связь с Нексой и Паральдой, этими верховными Первоэлементами. Он удерживал господство над опустошающими Шедимами, пугающими Шехиримами и разрушающими Мазикинами. Не потерял он и контакта с Небесными Распорядителями, из которых в то время высшей властью обладал Ох, и именно его обычно вызывал Мирамон Ллуагор для кратких профессиональных консультаций каждое воскресное утро на рассвете.

Но подобные достоинства, как понял с отчаяньем Мирамон, являлись орудиями ограниченных волшебников-ремесленников, это были азы для любого по-настоящему искусного кудесника. А высший секрет, делавший Мирамона Ллуагора господином всех сновидений, полностью был утрачен.

Он очень рассердился. Он еще более разозлился, когда увидел своего рода испуг и смущенное раскаяние на глупом лице жены и с отчаяньем понял, что сейчас начнет ее успокаивать.

– Проклятая баба! – воскликнул Мирамон. – Теперь в самом деле, твой здравый смысл завершил то, что начало твое ворчание! Вот судьба всех художников связавшихся с благовоспитанными женщинами. Верно было сказано, что брачное ложе есть могила искусства. В общем, я со многим в тебе мирился, но это подвело черту, и я не буду мириться с твоим увлечением добропорядочным и здоровым образом жизни, и я желаю, чтобы ты оказалась в середине следующей недели!

С этими словами он выхватил грязную тряпку из рук Жизели, шлепнул ею по одной из оставшихся пчел и смахнул ее с черного креста. И эта пчела улетела, как и первая.

Глава XVI

Касающаяся Плеяд и бритвы

Когда блестящая пчела улетела, как и первая, Тупан расправил крылья и приготовился воззреть на творения Кощея. А в тот миг, когда Тупан пошевелился, миры в этой части вселенной начали плавиться и течь по небу. А Гаураси сгреб их остатки в одну кучу и образовал солнце, неизмеримо более крупное, чем потерянное им, и получился буйный, безумный пожар, который ни в чем не соотносывался с произведениями Кощея.

И тогда Гаураси дружелюбно крикнул Тупану:

– Грядет час Твоего освобождения, о Тупан! Грядет час возвращения Предков, грядет час падения Кощея!

Тупан ответил:

– Час моего освобождения еще не пробил. Но пришел час моего взора.

Тут Гаураси заревел, сгребая и остальные миры в ненасытное пламя своего ужасного греха.

– Я зажег для Тебя прекрасный свет!

И теперь боги, которым поклонялись в оставшихся мирах, также стали звать Кощея. Ибо теперь, в невыносимом сиянии испепеляющего солнца Гаураси, они показались непрочными и несостоятельными созданиями. И, более того, боги поняли, что, если последняя пчела будет освобождена с креста, будет образована десятка Плеяд, а Тупан выпущен на волю и вернется власть Предков; и что грядет день, предсказанный многими пророками, день, в который все боги должны побриться выданной им бритвой; и что после исполнения этой ужасной и постыдной необходимости божественное благоденствие повсюду закончится навсегда.

Меж тем, взгляд Тупана шарил среди Звездных Воителей и Стражей Мира. Именно Они под руководством Кощея придали форму землям и водам, и скрепили вместе горы, и сделали все остальное таким, какое оно есть. Именно Они соединили небеса и вложили в каждого бога его душу. Они были создателями времени, и творцами дней, и поджигателями огня жизни, и Они являлись пилами, чьи тайные, поддерживающие жизнь имена не были известны ни одному из людских божеств. Однако теперь взгляд Тупана шарил среди Звездных Воителей и Стражей Мира, и Тупан рассматривал их одного за другим. И где бы ни останавливался взгляд старых глаз Тупана, там не оставалось ни мира, ни охранявшего его Стража, а лишь мгновенно вспыхивала мельчайшая спираль прозрачного пара.

И те, кого еще не уничтожил Тупан, жалобно звали Кощея, который изобрел Их и поместил на посты, чтобы вечно надзирать за всем, какое оно есть.

Пока Тупан осматривал произведения Кощея, тот в манере всех художников откашлялся и слегка заерзал на месте. Но когда Стражи и Звездные Воители звали его на помощь, Кощей, не шевельнув и пальцем, лишь сказал:

– Эх, господа, потерпите! Ибо я создал все таким, какое оно есть, и теперь говорю вам: гарантия успеха заключается в том, что я создал все парным.

Глава XVII

Брак в миниатюре

Но Мирамон в своей башне из слоновой кости на Врейдексе знал лишь, что его желание выполнено, ибо Жизель исчезла, как лопнувший мыльный пузырь, и сейчас находилась где-то в середине следующей недели.

– Слава Богу, избавились! – сказал Мирамон. Он повернулся к Нинзияну, этому улыбающемуся крупному филантропу. – Ибо слышали ли вы когда-либо подобные оскорбления?

– Ох, очень часто, – ответил Нинзиян, который тоже был женат. – Но что вы сделаете дальше?

Мирамон сказал:

– Я хочу вернуть секрет моего искусства.

Но Нинзияну это решение показалось не таким уж очевидным.

– Вы можете это достаточно легко сделать, освободив третью пчелу, которую правдами и неправдами я достал для вас в земле Ассирийской. Да, Мирамон, вы можете таким образом вернуть свое искусство, но при этом вы также останетесь беззащитным перед назначенной вам судьбой. Так что, мой друг, советую вам вместо этого произнести заклинание, что вы сперва и намеревались сделать, и обеспечить себе вечную жизнь, пожелав, чтобы Фламберж исчез из этого мира людей.

И Нинзиян махнул рукой в сторону меча, которым, согласно предписанию Норн, великий Мирамон Ллуагор будет убит собственным сыном.

Павший кудесник ответил:

– Но что стоит жизнь, если она больше не породит сновидений? – И Мирамон также сказал: – Интересно, Нинзиян, где точно середина следующей недели?

Благочестивый Нинзиян заговорил, уверенный в своей необыкновенной эрудиции.

– Она совпадает со средой, но никто не знает где. Олибрий утверждает, что она сейчас в Арату, где все входящее туда одето, как птица, в перья, а из еды в этих бессменных сумерках только пыль и глина...

– Жизели бы это не понравилось. У нее всегда был очень нежный желудок.

– Тогда как Асиний Поллион предполагает, что кажется вполне правдоподобным, что она ждет за Слипид и Гьёлль в голубом доме Ностранда, где Середа отбеливает нерожденные среды под крышей из переплетенных змей...

– Боже мой! – сказал Мирамон, безутешно потирая нос. – Это никогда бы не подошло женщине, испытывающей почти болезненное отвращение к пресмыкающимся!

– ...Но Сосикл заявляет, что она оказывается в Шибальба, где Сипакна и Кабракан играют в мяч, а землетрясения находятся на попечении няни.

– Там бы она была немногим счастливее. Ее не интересуют дети, она бы ни на минуту не примирилась с капризными маленькими землетрясениями, и она бы сделала для всех все весьма неудобным. Нинзиян, – Мирамон кашлянул, – Нинзиян, я начинаю бояться, что немного погорячился.

– Вот она, моральная неустойчивость, типичная для всех вас, художников, – ответил деловой человек. – Так мой совет насчет Фламбержа не пригодится?

– В общем, понимаете ли, – сказал Мирамон очень печально, – или, вероятно, мне следует сказать, что тогда как, конечно же, все же, когда начинаешь смотреть на это более внимательно, Нинзиян, в действительности, я имею в виду тот факт, как мне кажется...

– Факт тот, – ответил Нинзиян с подавленной, но понимающей улыбкой, – что вы женатый человек. Как и я. В общем, у вас остается одно желание и не больше. Вы по своей воле можете вернуть власть над утерянной магией или вернуть жену, властвующую над вами...

– Да, – мрачно согласился Мирамон.

– А на самом деле, – бойко продолжал благочестивый Нинзиян с оптимизмом, припасаемым для дилемм своих друзей, – на самом деле вам просто необходимо иметь четкий выбор. Никто не может преуспеть на стезе как художника, так и супруга. Я не защищаю ни одну из этих карьер, поскольку, по-моему, искусство – неблагоприятная госпожа и, по-моему, жена тоже подпадает под подобное определение. Но я уверен, что ни один мужчина не может служить обеим этим дамам.

Мирамон вздохнул.

– Верно. Не существует достойной супруги для создателя сновидений, поскольку он постоянно творит более прекрасных женщин, чем предлагает ему земля. Прикосновение к плоти не может удовлетворить его, укладывающего сверкающие волосы ангелам и лепящего грудь у сфинги. Существует, конечно, женщина, разделяющая с ним постель, но во многом она не лучше, чем одеяло или подушка, и все они лишь помогают создать уют. Но что у творца сновидений, что у этого встревоженного индивидуума, живущего внутри существа, которое он видит в зеркале, общего с женщинами? В лучшем случае, эти твари дают ему образцы для идеализации за пределами не имеющей значения правды: как если б я создал роскошный бред, начав всего лишь с ящерицы. А в худшем случае, эти твари не могут прожить и получаса, не вмешиваясь в то, чего не понимают.

Тут Мирамон умолк. Он перебирал волшебные краски, которыми делал первые наброски своих сновидений. Тут была белая краска, являющаяся затвердевшей океанской пеной, и черная, которую он выжал из сгоревших костей девяти императоров. Тут была желтая слизь Скироса, и малиновая киноварь, полученная из перемешанной крови мастодонтов и драконов, и тут был ядовитый голубой песок Путеоли. И Мирамон, который уже не являлся могущественным кудесником, думал о той красоте и том ужасе, вызвать которые этими пигментами он мог еще минуту назад; он, который теперь не имел власти давать жизнь своим созданиям и который владел умением, достаточным лишь для того, чтобы выкрасить в полоску вывеску парикмахера.

И Мирамон Ллуагор сказал:

– Было бы грустно, если б я никогда вновь не управлял сном людей и не дарил им сновидений, насыщенных и ясных, красивых и соразмерных, нежных, правдивых и изысканных. Ибо, нравятся они им или нет, я-то знаю, что для них полезно, к тому же сны эти привносят в их голодную жизнь то, чего им не хватает и что следует иметь.

И Мирамон также сказал:

– Однако было бы еще грустнее, если б моей бедной жене позволили вечно распекать дрожавшие землетрясения в середине следующей недели. При чем здесь то, что мне она не особо нравится? Мне и в самом себе очень многое не нравится: моя мягкотелость и вздернутый нос, делающий мое лицо смехотворным. Но хочу ли я превратиться в здорового рыцаря на коне? Рассматриваю ли я хобот слона с завистью? Что ж, Нинзиян, я поражен вашими глупыми речами! Какая мне нужда в совершенстве? Что бы у меня было общего с тем, кто терпит меня и высоко расценивает мои деяния?

Мирамон с некоторой твердостью тряхнул головой.

– Нет, Нинзиян, вы тщетно докучаете мне своими непрерывными разговорами, ибо я так же привык к недостаткам своей жены, как и она к моим. Я отношусь к ее вспышкам раздражения со смирением, которое распространяется и на капризы погоды. Они неприятны. Любые ураганы неприятны. О да, но, если б жизнь стала бесконечным ясным майским днем, мы бы этого не вынесли – мы, когда-то исхлестанные бурями и штормами, будем пересекать сушу и море в поисках снега и града. Точно так же, когда рядом Жизель, я постоянно пребываю в раздражении, но сейчас, когда она исчезла, я несчастен. Нет, Нинзиян, оставьте свои речи,

вам больше не нужно говорить, ибо я просто не смог бы примириться с жизнью, обладающей всеми удобствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.